

В этом тексте: «сейчас я в офицерском резерве» (в дневнике 17.08.1945: ...В наш офицерский полк прибыли «покупатели», как здесь называют. Они будут нас набирать, куда – еще не известно...)

В этом тексте: «сделался начальником клуба» (в дневнике 30.09.1945: Захаров мальчишка и негодяй. Он доказал это своим отношением ко мне. Когда меня брал в клуб, обещал предоставить возможность заниматься литературой...) и (06.10.1945: ...После ряда ужасных неприятностей, окончившихся для меня оставлением клуба...) и (06.10.1945: ...С клубом рассчитался, талоны на довольствие в полковой столовой получил...)

Текст, приблизительно, август-сентябрь 1945 г.

[...] тетрадей, и на страницах которого запечатлел долю пережитого на войне во время войны. И с которым ознакомлю тебя когда приеду на Родину. Буду высылать стихи. Они тоже расскажут тебе о моей фронтовой жизни. Сейчас я в офицерском резерве, отсюда могу попасть на учебу. Отсюда нашего брата посылают на работу. Многие поехали в отпуск. Сюда ежедневно приезжают «покупатели» - так мы называем здесь представителей различных военных учреждений, которые приезжают к нам за людьми. Одно время посылали на работу к репатриированным. Я записался в качестве инструктора политотдела. Собрался, приготовился, был доволен, что наконец появилась возможность вырваться из объятий ненавистной муштры и стать политработником. Но не тут-то было. Моей мечте пока еще не суждено осуществиться. Я терпелив, жду.

Однажды, позавчера, кажется, я не выдержал и чуть было не поехал учиться, соблазнившись 20-ти дневным отпуском на Родину перед началом занятий. Меня записали в список и стали оформлять на меня документы. А я, между тем, долго колебался, склоняясь в своем решении то в сторону сердца, то рассудка. И победил рассудок. Чтобы остаться - сделался начальником клуба. Подготавливаю рапорты во все стороны. Ударю в колокола, авось отзовутся на мои сигналы и направят учиться или работать в отрасль литературы, или по крайней мере политработы. Это ближе. Пока шла война мне необходимо быть на фронте, на передней линии сражений, я должен был все видеть, все пережить, как другие бойцы-фронтовики, чтобы потом, когда будет возможность, запечатлеть на бумаге.

Теперь у меня другие цели. Я хочу работать в печати, заражен непреодолимым желанием вырваться на широкую литературную дорогу, где так много подъемов и еще больше падений, где так плодотворна жизнь и благодарен труд. Пока мне это не удается. Я стучусь в плотно забитую дверь отдельными стихотворениями, которые не являются еще плодом моих серьезных повседневных занятий, а только результатом правильного использования редких минут свободного времени. Формально, правда, все выглядит иначе, нежели представляется на деле. Я ничем особенно не занят. Прежде, за время пребывания в резерве, и вовсе никакой ответственности и нагрузки на себе не нес. Да и теперь половина дня у меня ничем определенным не занята. А все-же я не считаю себя свободным, и вот почему: проверки, построения, наряды, тревоги, маршировка, военные занятия, вызовы и беседы с начальством, шум и беззаботное существование окружающих людей, наконец полная

невозможность уединиться на хотя бы минимальный срок для обработки перемешавшегося в памяти материала.

Прозой почти не занимаюсь. Она требует серьезной подготовки, тщательного обдумывания материала и специфических кабинетных условий труда. Она требует времени. Стихи любят краткость, от этого они еще трудней, нежели проза, но они мягче, лиричней, и вырабатываются не столь умом, сколь сердцем и всем существом моей натуры.

С детства я люблю ласку, нежность, красоту, справедливость. Я мало видел хорошего в жизни, потому так обожаю [...]